

ИВАН ВОРОНИН
КРИСТИНА ГОРДАТИЙ

ИСЧЕЗНУВШИЕ
В КАДЫКЧАНЕ

Кристина Гордаций
Исчезнувшие в Кадыкчане

«Автор-Онлайн»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)64-445.1

Гордаций К.

Исчезнувшие в Кадыкчане / К. Гордаций — «Автор-Онлайн»,
2023

ISBN 978-5-6049465-2-7

Заброшенные города населены призраками. Кадыкчан, что в Магаданской области, не исключение. Не зря там существует природный феномен исчезающих озер. Да и местные художники оставили на стенах домов странные изображения людей и животных. Мрачноватую славу Кадыкчана подпитывают заброшенные шахты... С мистическими явлениями здесь сталкивается группа молодых людей, каждый из которых, как выясняется, оказался в зловещем месте неслучайно. Так или иначе все они как-то связаны с прошлым Кадыкчана. И чтобы выбраться отсюда, они должны принять важные для себя решения, которые послужили бы пропуском на выход из заколдованного места. Ситуация усугубляется тем, что на них уже ведет охоту безжалостный маньяк-убийца. Чтобы выжить, попавшим в Кадыкчан нужно объединиться, забыв о разногласиях. Тогда они, если повезет, благополучно выберутся из опасной ловушки.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)64-445.1

ISBN 978-5-6049465-2-7

© Гордаций К., 2023
© Автор-Онлайн, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Шестеро	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Иван Воронин, Кристина Гордаций Исчезнувшие в Кадыкчане

*То, что начертано рукою Провидения,
Уж недоступно впредь для изменения
Ни доводам ума, ни знаниям богослова,
И никаким слезам не смьть судьбы решения.*

Омар Хайям

© И. Воронин, 2023

Пролог

Что будет дальше, мне неизвестно, но то, что с нами тогда произошло, осталось со мной навсегда. Чувства, которые я испытываю каждую ночь, перед тем как лечь спать, не передать словами. Это и сном-то не назовешь. Я уже и забыла, когда в последний раз могла спокойно заснуть. Мне кажется, что я вообще не сплю. Если бы я знала, чем обернется та поездка, ни за что не села бы в машину Олега и никуда бы не поехала. В моей голове, словно кадры из кинофильма, всплывают события тех дней, которые я запомнила навсегда...

Мой чай снова остыл. За окном метет. Мне кажется, что ОН придет за мной... Не хочу думать об этом и отвлекаюсь, глядя в окно. Зима всегда преображает мой поселок, делая его чистым, обновленным и даже немного таинственным. Я очень люблю смотреть, как падает снег. Белые хлопья с неба медленно опускаются на верхушки деревьев, словно природа делает нам подарок. Мы настолько привыкли к этому, что относимся как к должному, не придавая значения чарующей красоте. Как не обращаем внимания на восход и закат, которые случаются ежедневно. Ну так ведь снегопад и метель для моих родных мест привычное дело.

Кажется, сегодня опять не уснуть. Поэтому я наливаю себе немного настойки и добавляю в чай как лекарство от бессонницы. Это поможет, но привыкать к такому способу лечения не стоит, дабы совсем себя не потерять. В последнее время мне все тяжелее сосредоточиться... Возможно, все, что произошло со мной, – это не катастрофа, некоторым людям приходилось переживать ситуации и потяжелее. Я-то, во всяком случае, жива. Потеряй я руку, или ногу, или даже глаз, я бы привыкла, научившись физически и морально восполнять потерю. Но тот декабрь забрал у меня кое-что поважнее – мою волю и веру в лучшее. Со мной осталось лишь одно горячее желание – забыть обо всем навсегда. Гнетущее ощущение, что и дома больше не чувствуешь себя в безопасности, разъедает меня изнутри...

С улицы доносятся голоса. С тревогой всматриваюсь в силуэты людей, приближающихся к дому, узнаю в одном из них своего соседа. Допиваю чай и собираюсь спать. Уже поздно. Завожу будильник на 08:00 и ложусь в постель. Теперь я никогда не выключаю свет полностью, он мешает, но по-другому не получается. Я знаю, ОН следит за всеми нами и, быть может, сейчас – именно за мной. В этой жизни или следующей, но в покое ОН никого из нас не оставит...

Не могу простить себе, что проигнорировала знак, поданный в тот день судьбой. Когда я была маленькая, бабушка-шаманка говорила мне: «Слушай свое сердце и читай подсказки, которые подает тебе Вселенная». До совершеннолетия я не обращала внимания на предчувствия и вещие сны, полагая их суеверием. Как и многие в нашем прагматичном мире, я думала, что это бесполезная трата времени. И даже если какие-то ожидания или сны сбывались, считала это обычным совпадением. А ведь случалось так, что от некоторых своих видений я просыпалась в холодном поту. Однако глупое, упрямое, свойственное юности неприятие всего, что связано с повериями предков, оказывалось сильнее ночных кошмаров... Мрачные сны казались мне сказками, придуманными лишь для того, чтобы оправдать наивную веру в потусторонние силы.

Но это я сейчас такая умная. Даром, что в роду у меня пять поколений знахарок и провидиц по женской линии. Обрати внимание на свои сны и предчувствия в то время, возможно, мне удалось бы спасти всех нас. Теперь вряд ли что-либо можно изменить, мы никогда не будем прежними. Наша детская непосредственность навсегда осталась там...

Если бы мы не свернули с дороги...

Часть первая. Шестеро

Глава первая

Когда живешь в относительно большом поселке, затерянном среди невысоких сопок, может, и красивых два раза в год, но уж точно унылых все остальное время, поневоле тянет куда-нибудь за горизонт. Казалось бы, ну какая разница, где кататься на лыжах, если вокруг сплошной снег? Но разница есть. Одно дело – перед своими красоваться, другое – там, где толпы ярко одетых людей, где звучит легкая ритмичная музыка и слышен радостный смех. Где можно показать, что ты тоже кое-что умеешь. Вдруг какой-нибудь городской парень обратит внимание. Симпатичный. Свой-то, поселковые, давно все надоели. С детского сада общаемся. Да нет. Они ничего ребята. Потусить можно. А дальше что? Выйти замуж, например за Олега, нарожать детей. И все! Жизнь, считай, кончена. А ведь ничего еще не видела. Дальше Якутска не выбиралась. Поэтому, когда Олег предложил поехать в Магадан кататься на Снегорке, Маша согласилась, не раздумывая.

Собирались недолго. Ребята сказали, что лыжи и прочее лучше всего взять напрокат в Магадане. Погоду на трассе прогноз обещал хорошую. Сильных морозов уже не должно быть, потому и оделись по якутским меркам легко. Да и не хотелось появляться в Магадане, а тем более на Снегорке, в том, в чем обычно народ ходит зимой в Артыке. Скажут, чукчи прикатили. Магаданские и понятия не имеют о том, каково живется, когда на дворе минус сорок пять, а то и все пятьдесят. Если не ниже. Да и что они там вообще в городах понимают о жизни людей в таких поселках, как Артык? Где не то что театров, или музеев, или торговых центров, даже магазинов нету. А те, что имеются, – это, скорее, палатки, чем полноценные торговые точки. Одно-единственное кафе было, и то закрылось. А в Доме культуры только какие-то пафосные мероприятия, народные танцы да дискотеки, от которых уже скулы сводит. Поэтому, как только все договорились, так сразу и поехали. Олег за рулем (его ведь внедорожник), рядом с ним Маша, а Вася, Миша, Катька и Зина – на заднем сиденье.

Выехали затемно. Олег сказал, что часов двенадцать ехать придется. Целый день на дорогу уйдет. В лучшем случае. Далековато, конечно. Почти восемьсот километров. Ну ничего. Не пешком же идти. Придется поскучать. В телефоне полно музыки. А надоест слушать – есть Сеть, можно початиться с подружками, которые в Артыке остались и теперь люто завидуют. Правда, они больше завидуют тому, что Маша с Олегом поехала. Ну так он в поселке первый парень на деревне. У его отца палатка, заправка, шиномонтаж. Короче, завидный жених. Только не для Маши. Она со школы мечтает о другой судьбе. Мама рассказывала, когда она была беременной, шаманка предсказала, что у нее дочка родится, красивая и счастливая, потому что духи будут ее любить.

Ерунда, конечно, но Маша, а точнее Маарыйя Тумусова, даже теперь, пусть и тайком, в это верила.

Машину бросало из стороны в сторону, и только это не давало уснуть. Хотя Маша с удовольствием подремала бы, потому что в салоне было тепло, а метель так уютно постукивала твердыми крупинками в лобовое стекло, что поневоле начинало клонить в сон. Однако, как ни старался Олег объезжать занесенные снегом выбоины, все равно они попадались под колеса. Из Артыка выехали всего-то два часа назад, а девушке казалось, что едут они уже очень долго. Пейзаж за окнами был привычный и скучный. Сопки, торчащие из снега мерзлые кусты. Маша не жаловалась. Она любила родные края, хотя и мечтала уехать в большой город. В Хабаровск, Владивосток, Санкт-Петербург или куда-нибудь в Краснодарский край... А еще лучше

– в Москву. Только там она станет счастливой, и предсказание шаманки сбудется полностью, потому что насчет красоты старуха уже угадала.

Девушка покосилась в зеркало заднего вида. Округлое, как молодая луна, лицо, раскосые глаза, полные, красиво очерченные губы. Еще в школе ее выбирали вести вечера и выступать перед важными гостями. Она и петь, и танцевать умеет. И национальное, и современное. Можно в какой-нибудь театральный вуз попробовать поступить. Ну или в Институт культуры. Все равно из Артыка придется уезжать. Делать там нечего. Если бы не трасса, поселок давно бы заглох. Вон в Делянке почти не осталось жителей. Эх, если бы и правда познакомиться на Снегорке с каким-нибудь нормальным парнем из города... Глядя слипающимися глазами в снежную круговерть, Маша не замечала, что сама себе противоречит в своих желаниях. Ну так ей было всего восемнадцать лет. Возраст, когда желаний много, а возможностей их реализовать – мало.

Внедорожник трянуло, и Маша в очередной раз очнулась от дремы. Белесая мгла за окнами съедала день, словно это был огромный пышный торт из белого крема. Девушка ела такой однажды в кафе, в Якутске, в свой день рождения. Она только что окончила школу, и родители решили подарить ей поездку в столицу республики. В Якутске жила двоюродная сестра отца, тетя Сайнара. У нее хорошая квартира в новом микрорайоне Прометей. Единственную племянницу Сайнара Кундуловна любит. Даже предлагает поселиться у нее, если Маша, конечно, поступит в какой-нибудь институт в республиканской столице. Племянница была и рада ее приглашению, и не рада. Хорошо, конечно, иметь жилье, где можно поселиться на время учебы. Квартира у тети большая, а живут в ней всего двое, так что местечко найдется. Однако под присмотром Сайнары Кундуловны не развернешься.

Долго не гуляй, ложись не позже двенадцати, в выходные помогай с уборкой и ходи с тетей по магазинам. Какая радость от такой студенческой жизни? И ведь в общагу не сбежишь. Сайнара Кундуловна обидится. Вот еще почему Маша не хотела учиться в Якутске. Да и вообще, если уж отрываться от всего привычного, то по полной. Выбор большой. Магадан, Чита, Хабаровск... Некоторые в Китай или Японию уезжают, но Маше Туму совой не хотелось на восток, ее тянуло на запад. В географическом смысле. Из школьных уроков она знала, что северо-восток Евразии по площади значительно превосходит ее европейскую часть, но на самом деле люди здесь сосредоточены на крохотных островках более-менее цивилизованной жизни, а все остальное пространство занимает дикая природа с ее сопками, тайгой, тундрой, болотами, озерами и реками. С ее бесконечными снегами и морозами зимой и тучами комаров и гнусов летом.

Винить в этом некого. Так уж сложилось исторически. Однако Маше Тумусовой не было никакого дела до истории. Предки – далекие и близкие – сами строили свою жизнь как могли. А она свою – как сама захочет. И не здесь, а там, где города настолько большие, что почти сливаются друг с другом, где ночью почти так же светло, как днем, где не слышно воя зимнего ветра и истошного лая собак, где всегда весело и интересно. О трудностях, которые ее ожидают в большом незнакомом городе, девушка не думала. Главное – попасть туда, а уж там она сорентируется. Не глупее прочих. В аттестате ни одной тройки. Итоговый балл ЕГЭ – восемьдесят девять. В якутские или магаданские учебные заведения она с такими результатами легко поступит даже на бюджет. В Москве будет сложнее. Маша понимала это, она не дуручка.

– Что-то наша кырасаабысса¹ призадумалась, – ехидно заметила Катька Семенова. – О чем размышлялась, Маарыйя?

Катька была самой старшей в их компании. На вид ей около тридцати, хотя свой настоящий возраст она скрывает. В тусовке Машиных друзей Семенова оказалась случайно. Она уже успела побывать замужем, но овдовела в прошлом году. Ее муж замерз по пьяни, когда

¹ Красавица (*якут.*).

термометр показывал минус сорок. Обычное дело в поселке. Катька работала продавщицей в продуктовом. Высокая, рыжая, языкастая – парням такие нравятся. На лыжах она кататься не умела. Зачем ее Олег взял с собой, Маша понимала, но помалкивала. Стоит лишь намекнуть, что догадываешься, и поездка, считай, испорчена. Уж Катька сумеет сделать так, что кырса-абисса Маарыйя свету белого невзвидит. Маша не понимала, за что ее невзлюбила Семенова, может, из-за Олега? Откуда этой продавщице знать, что Тумусова только считается девушкой Олега Карпухина...

Был еще один момент. В Артыке – дружба народов. Русские, якуты и чукчи живут одной семьей. Порой – в буквальном смысле. Смешанными браками в поселке никого не удивишь, но это как-то странно сочетается с двусмысленным отношением к детям-полукровкам. Никто, само собой, никому в глаза не тычет тем, что папа у тебя, скажем, русский, а мама – якутка или наоборот. Однако кто из полукровок не ловил на себе косые взгляды и не слышал шепотки, вызванные каким-то инстинктивным неприятием самого факта их существования? Отец Маши был якутом, а мама из чукчей. Сама-то Маша считала, что взяла лучшее от обеих народностей. И ей, в общем, безразлично, кто и что о ней думает, но вот перед такими тонкими подковырками она была порою беззащитна.

– Ну что молчишь, подруга? – продолжала Семенова.

– Отстань ты от нее, – буркнул Олег, не отрывая взгляда от дороги.

– Молчу-молчу... А то еще высадишь.

– Могу и посадить, – откликнулся тот. – Баба с возу, кобыле легче.

Катька обиженно засопела, но язык все-таки попридержала. Она знала Карпухина. Тот и впрямь мог ее посадить в метель на трассе, где редко проезжают машины. Бросить, конечно, не бросит, но страху натерпеться заставит. Олег потому и нравился девчонкам, что был способен на такие поступки, но при этом никто не упрекнул бы его в жестокости. Он просто не любил людей, которые из-за своей глупости и мелочности мешают жить другим. Думал ли он в этот момент о Маше Тумусовой или приструнил Катьку просто для того, чтобы в машине не началась ссора, неизвестно.

Хорошая погода, обещанная прогнозом, медленно, но верно превращалась в плохую. Пока было темно, небо оставалось ясным. Звездная изморозь покрывала бархатный купол от края до края, но когда стало светать, потянулись с северо-запада тучи, закружились в воздухе первые снежинки, вытягиваясь через дорожное полотно белыми струйками поземки.

Какими бы соображениями ни руководствовался Олег, Маше было приятно, что он за нее заступился. И теперь она принялась искоса на него поглядывать, любуясь профилем художавого лица, не красивого, но мужественного. Реакция соперницы не замедлила последовать. Катька засопела еще громче, и эти звуки сейчас были для Маши приятнее музыки. Впрочем, они ей вскоре надоели, и девушка воткнула в свои аккуратные ушки микронаушники и сделала музыку погромче. Снежинки летели навстречу свету фар, и уже казалось, что это не внедорожник мчится сквозь метель, а плывет в облаке планктона субмарина. Из-за снегопада и без того неяркий день потускнел еще больше. По обе стороны дороги уже нельзя было разобрать ничего, кроме белых увалов в серой щетине деревьев.

Музыка гремела в ушах и поневоле навевала дрему, в которой реальность, мечты и воспоминания смешивались в какие-то совершенно бессмысленные обрывки коротких сновидений. Постепенно промежутки между дремой и пробуждением все увеличивались. Видимо, начался относительно ровный участок дороги. И как это нередко бывает, чем глубже засыпала Маарыйя, тем причудливее становились ее сны... Ей снилось, что огромный мужчина с большими крыльями подхватил ее и понес в снежную, сверкающую под солнцем даль. Вдруг стало ясно, что это не мужчина, а гигантский орел... Орлиные перья пушистым облаком окутали ее. От этого девушке было одновременно и приятно, и страшно. И вместе с тем ей слышался голос, который размеренно напевал:

*Сделай вот что: возьми свой лук,
Две стрелы к нему припаси,
Отправляйся в другую страну,
Длинный холм в той стране найди.*

*На холме огромный орел
Покрывает крылами холм,
Чтоб никто в страну не вошел,
Охраняет дорогу он.*

*Подкрадись к холму, и стрелу
Наложь на лук, и стреляй,
Целься в голову ты ему,
Или он заклюет тебя...*

Внедорожник тряхнуло, и Маша проснулась. Станный напев, который звучал в такт англоязычной песне, что проигрывалась в ее телефоне, все еще вертелся в голове. Девушка непонимающе огляделась, не сразу осознавая, где она находится. Сон и явь все еще мешались. Наконец, она вспомнила, что едет с Олегом и другими ребятами на Снегорку. В пути они находились уже больше пяти часов, но не одолели и половины. Пейзаж за окнами автомобиля окончательно поглотила метельная мгла, лишь по смутным очертаниям сопков можно было заметить, что дорога иногда плавно поднимается и опускается. Различить теперь, где небо, где земля, было невозможно. Словно машина с пятью пассажирами и водителем и впрямь превратилась в подводную лодку, пронзающую толщу снежного океана.

На заднем сиденье шел разговор. От нечего делать Маша стала прислушиваться.

– А там что? Есть еще? – спрашивал Вася.

– Говорят, моют потихоньку, – отвечал Миша.

– Летом подадимся?

– Можно...

– У тебя палатка цела?

– Цела, вроде.

– А лодка?

– Клеить надо.

– Клей... Там летом болото.

У девчонок были свои темы.

– Твой-то звонит? – как всегда совала нос не в свое дело Катька.

– Звонит, когда может, – отвечала Зина Вукувай, у которой не хватало смелости отбрызнуть нахальную собеседницу. – Им не всегда можно.

– Ждать будешь? – напирала Семенова.

– Почему – буду? – удивлялась Зина. – Уже жду.

– А чё тогда с нами поехала?

– Меня Маша позвала.

– Маша или Миша?

– Я своего жду.

– Ну, жди-жди...

«Бедная Зина, – подумала Маша. – Если уж Катька привязалась к ней, то теперь не отстанет».

Зину на самом деле звали Тиныл. Как и других чукотских девушек, ее воспитывали в скромности. И хотя Зина-Тиныл была вполне современной девчонкой, но куда ей было тягаться с Семеновой? Кто воспитывал Катюку – неизвестно. В поселок ее привез муж. Семенова считается русской, хотя кто знает, какой она национальности на самом деле? В Артыке почти всех, кто с материка, русскими считают. Сначала Катюка работала официанткой в кафе, а когда оно закрылось, перешла в палатку, которой владеет отец Карпухина. Там она с Олегом и познакомилась. Однако этого ей было мало. Первый раз в компании друзей Олега она появилась, когда встречали Новый год. И конечно, испортила праздник. Во-первых, стала липнуть ко всем парням, а во-вторых, распускать грязные сплетни, чтобы поссорить девчонок друг с другом.

О Зине она рассказывала, что та будто бы не моет голову, а волосы смазывает собачьим жиром. Волосы у Тиныл Вукувай длинные, черные, как вороново крыло, и блестящие. Даже Маша завидует ее волосам, что уж говорить о Катерине, у которой на голове начес из пакли, крашенный хною. О Маше Семенова болтала, что та беременна от Олега и будто бы шантажирует его этим. Здесь Катюка, видимо, выдавала собственные мечты. Другим девчонкам поселка от продавщицы тоже досталось. Они даже сговорились подкараулить вечером и устроить сплетнице темную, но так и не решились. Побоялись ее подлой и мстительной натуры. Осталось терпеть и ждать, покуда Семенова надоеет Олегу. Уж он-то ее в два счета взашей выставит.

Казалось, что погода уже не может ухудшиться, но она была на этот счет другого мнения. Говорят, что у родственных чукчам эскимосов от нескольких десятков до нескольких сотен слов, обозначающих состояние снега, льда и прочих зимних явлений. Хотя как такового слова «снег» у них не существует; если эскимосам или чукчам нужно описать погодное явление, связанное с замерзшей водой, они обязательно уточнят, что речь идет о летящем снеге, или о снеге лежащем, или о падающем, или о кружащемся. Стоит жителю Севера покинуть жилище, и он сразу же понимает, что апут – это снег, лежащий на земле, кана – снег падающий, акилокок – мягко падающий, пигнарток – снежный покров, удобный для саней, пиксирпок – метель, кимуксук – поэмка и так далее, и так далее, и так далее. У того, кого такая непогода застигает в пути, поневоле складывается впечатление, что все эти типы снега и еще великое множество других, коим нет названия ни в одном языке мира, обрушиваются на его бедную голову. Похожее чувство было и у шестерых друзей, пробивающихся через пургу.

Труднее всего приходилось тому, кто был за рулем. Дорога поглощала все внимание Олега. Ему казалось, что все более густеющий снег не просто захлестывает его внедорожник, а яростно царапает капот, крылья, двери и крышу, словно мраморная крошка. С самого начала Олег включил фары, но даже сейчас не мог перейти на дальний свет. Длинные, как бесконечные шпаги, лучи отражались в снежных хлопьях, словно в мириадах зеркал, и эти зайчики слепили глаза так, что уже в пятидесяти метрах ничего не было видно. Ближний свет был все же надежнее. Однако, если бы снег падал в полном безветрии, он был бы только досадной помехой. Хуже всего ветер. Олег никогда не любил его вой, даже когда сидел дома у телевизора или валялся с планшетом на диване. А здесь, на трассе, завывания ветра несли в себе нешуточную угрозу, с которой нельзя было не считаться. Словно для того, чтобы продемонстрировать свою силу, ветер вдавливал отдельные снежинки даже через резиновые уплотнители стекол.

Лишь неискушенному пассажиру, пригревшемуся в уютном нутре салона, могло показаться, что большой автомобиль несется с огромной скоростью. На самом деле зимой на колымских трассах особенно не разгонишься. Чистят их плохо, так что зимник – это даже не дорога, а некое общее направление, намеченное тяжелой снегоуборочной техникой. Чтобы путник не сбился с пути, вдоль всей трассы торчат высокие вешки. По ним же ориентируются и те водители, что заняты расчисткой дорог. Олег тоже выверял путь по этим вешкам. Потерять их из виду, сбиться с пути в набирающем силу снежном буране – это беда.

В такое время года, да еще в непогоду, рассчитывать на помощь водителя случайно проезжающего автомобиля как минимум недальновидно. И не потому, что попутная или встречная машина не остановится, если тот, кто за рулем, увидит поднятую руку или застрявшую в снегу колымагу. Все гораздо страшнее. Другого автомобиля на заметенной трассе может попросту не оказаться. Олег старался не думать об этом. Зачем кликать беду? Пока все было нормально. Бак он заправил под завязку, да и в багажнике имелись запасные канистры. В отцовском шиномонтаже внедорожнику Карпухина-младшего сделали профилактику, так что «лошадка» не должна была подвести. Нужно быть только предельно внимательным и не поддаваться унынию. Они были в дороге уже больше пяти часов. По-хорошему, надо бы остановиться и отдохнуть, но Олегу казалось, что стоит ему затормозить – и буран подхватит тяжелый автомобиль, унесет в сгущающуюся мглу, словно снежинку. Ведь всякий, кто живет на Дальнем Востоке, с самого рождения знает, что у снежной бури есть собственная холодная и темная душа, злая воля и неисчерпаемая мощь. И не приведи духи обратить ее против себя неосторожным словом или помышлением.

Глава вторая

Когда рассаживались в салоне внедорожника, Миша постарался оказаться рядом с Катей Семеновой. Наверное, он был единственным из всей компании, кто никогда не называл ее Катькой, ни вслух, ни тем более мысленно. Катя ему нравилась. Может быть, потому что она не похожа на других девчонок. Смелая, острая на язык, красивая, но иной, нездешней красотой. Мишу не смущало, что, по общему убеждению, Катя спит с Олегом. Если она согласится выйти за него, Мишу, замуж, то он не станет возражать, если жена будет спать с кем-то еще. Жена – это не яранга и не олень, чтобы иметь одного хозяина. У Миши, а вернее Мымыла Яткыргына, ни яранги, ни оленей не было. Его родители не кочевали. Они получили образование в Якутске и всю жизнь проработали в автодорожном хозяйстве Кадыкчана. Сам Миша-Мымыл был шофером. С оленьей упряжкой он и разобраться не сумел бы, хотя деда его и прадеды были настоящими чаучу – оленными чукчами.

Автомобиль мотало из стороны в сторону, метельная мгла за окнами стучалась, и конца не видно было этому пути, но Миша и не хотел, чтобы он кончался. Когда еще он окажется с Катей настолько близко, чтобы ее плечо касалось его плеча, а пряди ее огненных волос порой щекотали бы его ухо? Миша не мог забыть ту встречу Нового года, когда он впервые встретился с этой восхитительной девушкой. Конечно, в тот день не только он познакомился с нею, но и вся их компания. Однако, наверное, только Мише этот день запомнился в мельчайших подробностях. Еще утром он и не подозревал об этом. Хотя заранее готовился к празднику и предвкушал его. И не только он. За месяц, а то и более предстоящее празднество обсуждалось в чатах и при личных встречах. Смаковались подробности, что закупать и заготавливать и сколько. Девчонки делились идеями нарядов, а парни – горячительных напитков.

Напитки, особенно спиртные, Мишу не интересовали. Он был непьющим. Во-первых, потому что профессия шофера не позволяла, а во-вторых, он прекрасно знал, как стремительно спиваются чукчи. Судьба младшего брата отца, дяди Коли, была ему хорошо известна. Миша с детства помнил его веселым добрым парнем, который ходил с племянником в кино, что крутили в Доме культуры, и брал с собой на охоту. Потом дядя Коля стал пить и превратился в жалкого попрошайку, пропившего все, что у него было. Он скитался между домами родственников и друзей. Одни его принимали, кормили, отдавали ношеную одежду и обувь. Другие на порог не пускали, потому что знали, алкоголику ничего не стоит стибрить все, что плохо лежит. Немногие собутыльники, которые еще брали дядю Колю в компанию, требовали, чтобы он вносил свой вклад в «общее дело», неважно, деньгами ли, закуской или вещами на продажу. Несчастный алкаш не всегда мог исполнить требуемое, и потому смуглое лицо его было черным от синяков.

Такой судьбы Мымыл Яткыргын себе не хотел. У него были другие жизненные планы. Он хотел жениться на Кате, обзавестись детьми. Может быть, уехать в большой город и там устроиться на работу на крупное предприятие. Ведь Артык вымирает, и скоро в нем совсем нечего будет делать. Родители тоже хотели, чтобы он женился, но вряд ли бы их обрадовала такая невестка, как продавщица Семенова. Впрочем, Миша пока ничего им о ней не говорил. Нужно было заручиться согласием самой «невесты». А вот с этим у будущего жениха дела обстояли не лучшим образом. На том памятном новогоднем вечере Катя кокетничала с ним, как и с другими парнями, но это ничего не значило. Мишу она совсем не выделяла из остальных, хотя порой ему казалось, что именно на него эта девушка смотрит как-то по-особенному. В том, чтобы жениться на русской, Мымыл не видел ничего странного, такие браки в поселке – обычное дело. Но вот предложить это Кате он решиться пока не мог.

Вот и сейчас, испытывая возрастающее волнение от того, что любимая сидит рядом с ним и ухабистая дорога только способствует этой неожиданной близости, Миша перебирал в

памяти подробности их первой встречи. Собирались у Карпухина. Его родители уехали встречать Новый год к родственникам в Якутск, так что весь их просторный и самый богатый в Артыке дом был в распоряжении Олега и его друзей. Своему сыну Карпухины доверяли полностью. Понимали, что он не допустит в доме никаких безобразий. Знали это и его друзья. Обычно Олег собирал смешанную компанию. Русские, чукчи, якуты и другие чувствовали себя в его доме как желанные гости. Хозяин строго следил за тем, чтобы никто никого не обижал. Пресекал даже злые шутки, не говоря уже о драках. Любого, кто желал повеселиться за счет других, Карпухин выставлял взащей, на мороз. Хорошо хоть не нагишом. А особо ретивым мог и рыло начистить, выгнав не только из своего жилища, но и из компании.

Не одно лишь внимательное и уважительное отношение к гостям делало встречи в доме Карпухиных столь привлекательными. Хозяин заботился и о том, чтобы праздники не превращались в банальную пьянку. Встречу Нового года он решил провести с соблюдением якутских обычаев. Конечно, Ысыах – традиционный новогодний праздник в Якутии – отмечают не зимой, а летом, но три с лишним столетия, которые Саха прожила в составе России, не могли не сказаться на привычках местного населения. И уж тем более повлияли на это годы советской власти. Не забывая о традициях, якуты празднуют Новый год дважды. Летом празднование происходит по обычаям далеких предков, а зимою якуты и другие народности, населяющие республику, тридцать первого декабря садятся за праздничный стол вместе со всеми россиянами. И все же Олег предложил соблюсти обычаи именно в зимнее празднование.

В девять часов вечера гости потихоньку стали собираться. Чувствовалось, как крепчает мороз. Все небо было усеяно звездами. Под унтами на ногах парней и торбозами на ногах девушек хрустел снег. Никто не шел налегке. Все тащили рюкзаки и сумки, набитые напитками и разнообразной снедью. Миша тоже не был исключением. Он захватил кое-что из блюд традиционной чукотской кухни. Разумеется, только то, что смогут есть и русские, которые менее привычны к экзотическим для них кушаньям. Он тащил набитую едой сумку и страшно волновался, понравятся ли все эти деликатесы его друзьям. Пока думать об этом было рано. Гости Олега Карпухина поодиночке и небольшими группами подходили к его дому. Хозяин встречал всех у калитки, прикрикивая на здоровенных волкодавов, которые обычно охраняли двор, но сейчас все сидели на коротком поводке и только громким лаем выражали свое недоверие к чужакам.

Окна дома светились разноцветными огнями. Прибывающие гости поднимались по высокому крыльцу, проходили через предбанник, набиваясь во вместительную прихожую, снимая куртки и кухлянки, переобуваясь в легкую праздничную обувь. Припасы вносили на большую кухню и выкладывали на стол. Свертки, пакеты, бутылки, банки вскоре заняли всю его немалую поверхность. На кухне командовала рослая рыжеволосая девушка, которую Миша Яткыргын видел впервые. Трудно сказать, влюбился ли он в нее с первого взгляда или нет, но с этой минуты ни на одну другую девушку, которых было немало в этой большой и пестрой компании, Мымыл не смотрел. Ему все нравилось в ней. Нравилось, как она деловито разглядывает принесенную снедь и напитки, тут же определяя, что вынести на холод, что, наоборот, разморозить. Нравилось, как она распоряжается другими девушками, подключая их к подготовке праздничного стола.

Будь его воля, Миша и сам бы с удовольствием подключился к приготовлению салатов, раскладыванию их по вазочкам, нарезке разнообразного мяса и рыбы, выниманию из духовки пирогов, раскупориванию бутылок и прочим вспомогательным работам, не требующим особой квалификации, но Олег велел парням оставить девчонок заниматься их исконным женским делом, а самим приступить к делам мужским, которые свелись к установке столов, сбору по всему дому стульев и складыванию дров для камина. Отопление в доме Карпухиных, как и во многих других домах поселка, газовое, но с камином Новый год встречать веселее. Со всеми этими делами парни справились быстро, и Олег предложил принять по маленькой. Благо выбор

спиртного был впечатляющим. Гости радостно согласились. Только Миша отказался, и ему налили морс. Чокаясь вместе со всеми, он прислушивался к голосам в кухне.

Девчонки обсуждали что-то кулинарное. Особенно выделялся громкий голос новенькой. Рыжеволосая, похоже, сразу взяла верх над остальными девушками. Миша невольно подумал, что из нее выйдет отличная хозяйка. И словно в подтверждение этой мысли из кухни появились Маша Тумусова и Зина Вукувай. В руках у них были тарелки и блюда, а в глазах – растерянность. Девушки смотрели на составленные столы, но не могли определиться, куда им деть свою ношу. Олег сразу сообразил, в чем дело. Он бросился к комоду и вынул из него огромную скатерть. Миша кинулся ему помогать. Вдвоем они расстелили ее, и разномастные столы сразу превратились в одну ослепительно белую поверхность. Маша и Зина еще немного помялись и наконец освободили руки от нагруженных доверху посуды.

– Так, парни, пора ставить пузыри! – сказал Олег и потянулся к бутылкам, которые в этой комнате были повсюду – и на полу, и на подоконниках.

Бутылки Мымыла не интересовали. Он потихоньку выскользнул на кухню, чтобы помочь девчонкам. Вот тогда-то рыжеволосая обратила на него внимание. Конечно, только для того, чтобы начать им командовать. Миша с удовольствием подчинился. Он таскал блюда, тарелки, вилки, ножи, стаканы. Всякий раз возвращаясь на кухню за очередной порцией чего-нибудь съестного, он старался заглянуть в глаза понравившейся ему девушки. И когда ему удавалось перехватить ее взгляд, чувствовал себя счастливым.

Стол накрыли быстро, и вся компания готова была уже приступить к проводам старого года, ибо на часах было уже около десяти, но хозяин дома пресек эти поползновения, объявив, что все должны снова одеться и выйти во двор. Последнее вызвало недовольство среди женской половины компании. Девушкам еще нужно было время для прихорашивания. Однако Олег был непреклонен.

– Мы жители Якутии, и потому из уважения к ее народу должны провести обряд, – объяснил он.

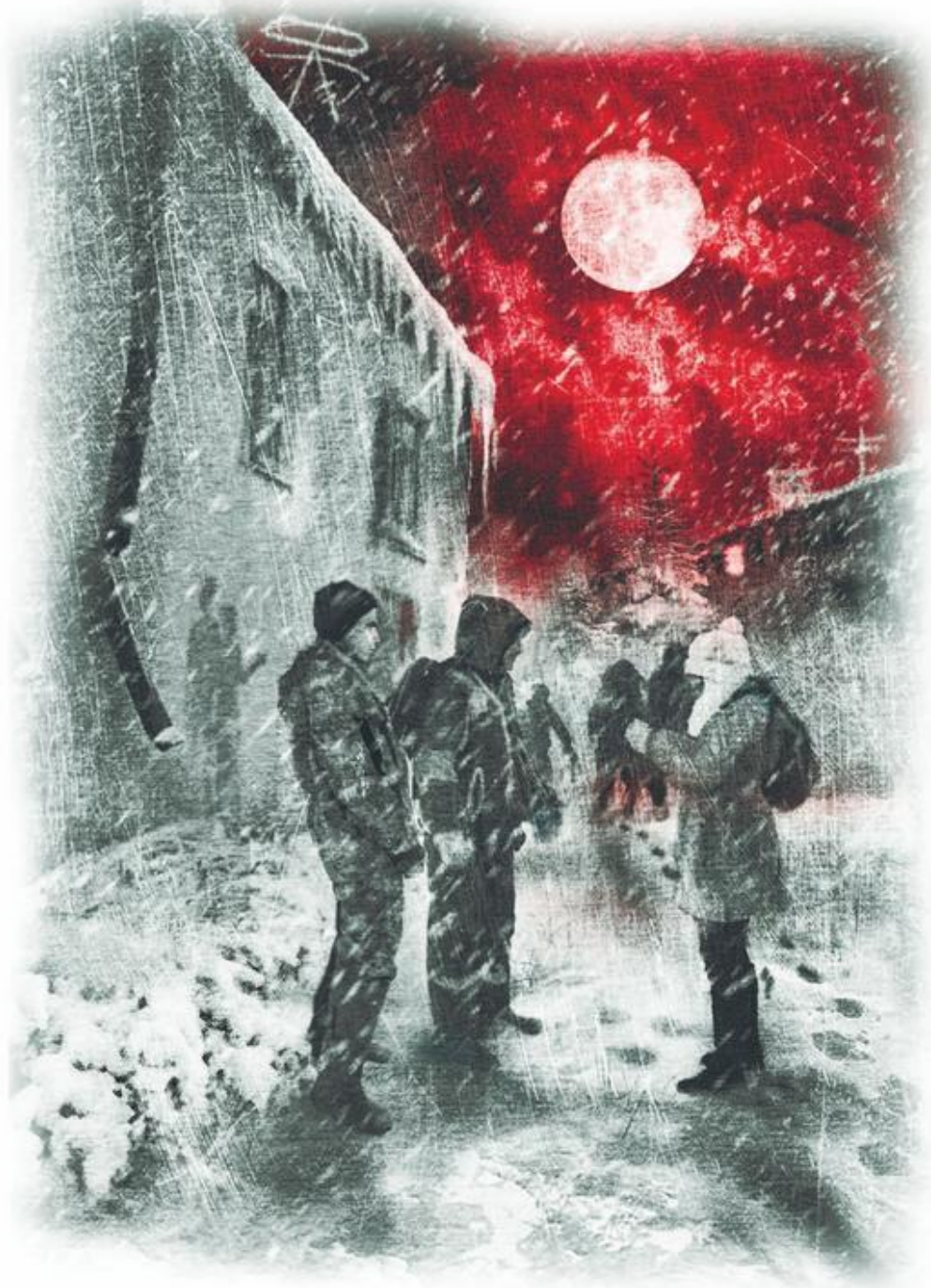
Гости поспешили одеться и переобуться. Все-таки на дворе было за минус тридцать. В такой мороз напех одетым не выскочишь. Смеясь и толкаясь, вывалили во двор, где хозяин дома заранее подготовил все необходимое для проведения обряда. Олег разжег небольшой костер, для того чтобы поднять дым, дабы изгнать злых духов. Потом он бросил в огонь пару лепешек, кусочки масла и вылил пиалу кумыса, вернее, вытряхнул, потому что кумыс успел застыть. Угостив таким образом костер, хозяин дома погасил его, забросав снегом, и к облегчению гостей дал сигнал к возвращению в теплый дом. Вся толпа радостно повалила обратно. Когда гости оказались в тепле, выяснилось, что обряд еще не завершен. Предстояло провести кумысопитие.

Получилось очень красиво. Маарыйя Тумусова в якутском национальном костюме и украшениях вынесла на большом подносе кувшин с кумысом и большую пиалу. Олег наполнял эту пиалу и передавал своим гостям. И каждый, кто пригубил традиционный напиток, словно приобщался к чему-то таинственному и священному. Не только парни, но и девушки смотрели на красавицу Машу с восхищением. Лишь рыжеволосая кинула на нее взгляд, полный зависти и неприязни. Однако, кроме Мымыла, этот взгляд никто не заметил, даже сама Маша, и яд, который источали в это мгновение глаза незнакомки, пролился лишь в душу ни в чем не повинного парня. Хотя о том, что это яд, он тогда даже не догадывался. К тому же после завершения обряда началась суматоха последних приготовлений к проводам старого и встрече Нового года.

Ошеломленный чувством, что обрушилось на него, Миша-Мымыл воспринимал происходящее словно сквозь туман. Он забыл даже о своих переживаниях по поводу чукотских кушаний, приготовленных его матерью специально для этого праздника, – строганины из мяса и рыбы, недоваренной оленины кергипат, легких оленя, запеченных на угольях. Переживать

правда было не о чем. Проголодавшиеся и подогретые спиртным, гости уплетали за обе щеки все, что было на столе, не делая различия между чукотским кергипатом и якутским ойюгосом – запеченной в духовке реберной частью конины. Строганина пошла на ура вместе с якутской кровяной колбасой хаан и шашлыком из конины с тестом. Не меньше внимания было уделено и сибирским пельменям, и русским пирогам с рыбой. Были на этом столе и традиционные советские салаты вроде оливье или селедки под шубой. Из напитков, кроме коньяков, водок и иноземного виски, веселили души и разнообразные настойки. А непьющих – морсы из самых разных ягод.

Старый год проводили. Встретили новый. Насытились и разогрелись. Захотелось подвигаться. Перешли в другую комнату, из которой хозяин предусмотрительно убрал лишнюю мебель, чтобы она не стала помехой. В ноутбуке у Олега было полно треков с популярными хитами. Начались танцы. Как обычно, парней больше привлекал медляк, а девушек – наоборот. Олег взял на себя обязанности диджея и запускал музыкальные композиции по справедливости, чтобы не обижать никого. Мише очень хотелось пригласить рыжеволосую девушку, которую звали Катей, но он не решался. И здесь случилось чудо – Катя сама пригласила его. Зазвучала какая-то невероятно красивая мелодия. Рыжеволосая красавица, проигнорировав поползновения других кавалеров, подошла к оробевшему Мымылу.

– Ну что, Мишаня, потанцуем? – спросила она с усмешкой, которая показалась парню лучезарной улыбкой богини.

Он с трудом слотнул слюну и робко протянул руки, чтобы приобнять девушку. Катя ростом была выше него, поэтому в танце он смотрел в основном на ее подбородок. Не глаза были для него сейчас главными органами чувств, а руки, которыми он ощущал через блестящую ткань платья, словно сшитого из гибкого металла, горячее тело Кати. Танцевать Мымыл не умел, только неловко топтался на одном месте, стараясь не наступать партнерше на ноги.

Девушку, похоже, это не слишком огорчало. Ее не интересовал танец сам по себе. Ей нужно было продемонстрировать другим девчонкам в компании, что именно она здесь королева бала. Разумеется, Миша ничего этого не знал. Он плавился, словно свеча, от ощущений, коих никогда еще не испытывал. И дело было не только в физическом сближении с девушкой, которая ему нравилась, но еще и в том, что он видел в этом знак судьбы.

Машину тряхнуло на очередном ухабе, и Мымыл Яткыргын вернулся из туманной страны воспоминаний в текущий момент своей жизни. Здесь и сейчас все было прекрасно. Даже более чем, ибо Катю сморил сон и она задремала, положив голову на его плечо, потеснив свою соседку по заднему сиденью. Зина-Тиныл была этим очень недовольна, потому что Семенова своим задом буквально втиснула ее в дверцу, но терпела. Дабы не показать виду, что она испытывает неудобства, девушка отвернулась к окну. Внедорожник все так же пробивался сквозь метельную мглу, которая стремительно подъедала остаток дня. Нельзя было понять, насколько они уже приблизились к желанной цели. За окном почти ничего не удавалось разглядеть, кроме снежинок, безумными кометами проносившихся мимо.

Лучше всех понимал, в каком положении они все оказались, конечно, Олег. Пройденный километраж составил всего полторы сотни километров из семисот семидесяти. А из одиннадцати часов, которые должна была занять дорога от Артыка до Магадана в нормальных погодных условиях, прошло уже около семи. Повернуть назад – не факт, что не собьешься с дороги или не застрянешь в заносах. Впрочем, то же самое могло случиться при движении вперед. Дотянуть хотя бы до Сусумана, где можно будет остановиться на ночь, а утром, глядишь, буран стихнет и дорогу расчистят. Олег еще крепче сжал руль и пристальнее всмотрелся в дорогу. Усталость давала о себе знать. Можно было посадить за руль Мишу, все-таки шофер, но какое-то суеверное чувство не позволяло Олегу остановиться. Словно от того, что он сейчас затормозит, может исчезнуть дорога и ничего, кроме бешено несущегося снега, не останется в мире.

Вдруг, будто в кошмарном сне, Олег увидел в нескольких метрах от капота своего внедорожника силуэт человека. Одновременно ударив по тормозам и вывернув руль вправо, Карпухин попытался уйти от столкновения. Машина пошла юзом, вылетела на обочину, развернулась поперек и встала. Двигатель работал на холостых оборотах, а водитель оцепенело смотрел прямо перед собой, не в силах ни убрать ногу с педали тормоза, ни выпустить из окостеневших пальцев руль. Сбил или не сбил, сбил или не сбил, сбил или не сбил?.. Память сработала словно фотокамера. Олег явственно припомнил, что невесть откуда взявшийся в заснеженных пустошах человек был небольшого роста и одет явно не по сезону. Яркая легкая курточка, какие в здешних краях носят нежарким северным летом, и шапочка с помпончиком... Ребенок?! Девочка!

С трудом отстегнув непослушными пальцами ремень безопасности и отворив дверцу, Карпухин не столько вышел из салона, сколько вывалился. Едва удержавшись на ногах, он первым делом принялся осматривать капот, страшась увидеть следы крови. Не обнаружил. Еще не веря своему счастью, побрел по тормозному следу, оставленному внедорожником. Даже в тусклом свете умирающего дня можно было отчетливо различить, что дорожное полотно, медленно, но верно сливающееся с ландшафтом в единое море снега, было девственно чистым. Судорога напряжения медленно отпускала Олега, он понял, что почти не дышал эти минуты. Вернувшись к автомобилю, он увидел лица друзей, с тревожным недоумением вззирающих на него из ярко освещенного салона. Успокоительно покивав им, Карпухин принялся осматривать колеса. Он вспомнил, что слышал неприятный хлопок, который раздался за мгновение до того, как машина остановилась. К сожалению, хлопок ему не послышался – шина переднего правого колеса явственно просела под тяжестью автомобиля. Выругавшись сквозь зубы, его владелец попытался вспомнить: есть ли у него запаска или нет? И не вспомнил...

Глава третья

Снегопад начал усиливаться, превращаясь в метель, застилая пространство трассы. И уже сложно было что-либо разглядеть. Олег вытер пот со лба, от волнения у него горели щеки. Ему не хотелось думать о том, что теперь будет.

– Пойдемте посмотрим... – обратился Олег к ребятам. – Здесь точно кто-то был. Вы же видели?

Девочки переглянулись и пожалы плечами, они ничего не видели, но охотно стали озираться по сторонам. Миша выбрался из машины и тоже принялся искать, но по направлению движения. Как шофер, он хорошо понимал, что кому бы ни принадлежал мелькнувший в свете фар силуэт, в момент столкновения его должно было отбросить на несколько метров.

– Эй! Кто-нибудь тут есть?

Олег брел по дороге, безуспешно пытаясь найти того, кого он должен был сбить.

– Олег, наверное, тебе показалось... – сказал Миша. – Здесь явно никого.

– Похоже на то... – пробормотал Карпухин. – Ладно, пойдем обратно.

Зачем Олег взял всех с собой, Катя не понимала. Им что, вдвоем плохо? Да нет, Катя бы так не сказала. Было бы плохо, она давно дала бы Карпухину от ворот поворот. Или он сам уже от нее отстал. Нет же, все еще ходит к ней. Женщины всегда чувствуют, если мужчина заглядывает просто для рефлексов или ему еще что-то нужно. Кате уже стало казаться, что у этого симпатичного, сильного и небедного по поселковым меркам парня есть на нее виды, но... Мало того что позвал в поездку этих чукчей – Васю, Мишу и Зину, так ведь еще Маарыйю свою ненаглядную прихватил. Катя чуяла, что Олег положил глаз на Тумусову. Жениться на ней хочет и потому бережет. Конечно, Катя понимала, что ее собственные шансы выйти за Карпухина минимальны. Она его старше почти на три года, да и была уже замужем. А родители Олега из староверов, у них представления о жизни со времен покорения Севера не менялись. Невеста их сына должна быть из хорошей семьи, да еще и чистая...

При мысли об этом Катя не удержалась и фыркнула. Миша повернулся к ней и улыбнулся, словно разделял ее веселье. Вася и Зинка недоуменно уставились, а Маша даже не оглянулась, гордая. В это время Олег бродил где-то в метельной мгле, что-то высматривал. Чего он там вошкается? Не хотелось провести ночь в машине, зажатой между Мишей и Зиной. Катя за время поездки успела немного вздремнуть на плече Миши, но что это за сон? Вот в отеле в теплой постельке, да еще прижавшись к спине любимого человека... Что бы там ни мнила о себе Маша, Олег, наверняка, поселится в одном номере с ней, с Катей. Вот залететь бы от Карпухина, да потом поприжать... Пусть бы тогда родители его попробовали что-нибудь вякнуть. Это была не новая идея – Катя давно уже не предохранялась с Олегом, но пока никаких обнадеживающих результатов.

Иногда она думала, что не стоит так цепляться за Карпухина. Конечно, по артыкским меркам жених он завидный, но борьба за него может дорого обойтись молодой вдове, продавщице из палатки. Найдутся женихи и посговорчивее. Тот же Миша, например. У них, у чукчей, нет таких предрассудков, как у некоторых русских. Да и Миша-Мымыл еще с прошлого Нового года смотрит на нее, как кот на сметану. Из него веревки можно будет вить, не то что из Олега. А в самом деле? Почему бы и нет. Главное, фамилию его не брать, а то получится вместо Семеновой – Екатерина Владимировна Яткыргын. Тьфу ты, язык сломаешь... Кроме фамилии, все остальное у Миши что надо. Катя почувствовала это, еще когда танцевала с ним. Да и сейчас, когда прижималась к нему плечом, ее так и подмывало случайно положить ему руку туда, куда не следовало в такой компании.

Катя Семенова, в девичестве Панкратова, родилась на излете советской власти в небольшом поселке, расположенном недалеко от Сусумана. Задолго до ее рождения в окрестностях, где кроме лагпунктов пресловутого ГУЛАГа не было ни одного поселения, нашли залежи высококачественного угля. И в конце Великой Отечественной войны, когда началась разработка месторождения, были воздвигнуты первые бараки будущего поселка. Он получил название Кадыкчан – от эвенкийского «кадагчан», что означает «маленькое ущелье, теснина». Есть и другая трактовка этого названия – «долина смерти», которая до поры до времени мало кого смущала. Найденный во время войны геологом Вронским угольный пласт с глубиной залегания в четыреста метров оказался важнее местных суеверий и мрачных предчувствий. Ведь на этом угле работала Аркагалинская ТЭЦ², которая питала электроэнергией две трети Магаданской области.

Шли годы. Поселок рос и хорошел. У его жителей была стабильная работа и высокая зарплата со всеми полагающимися северными надбавками. До районного центра всего шестьдесят пять километров – по магаданским меркам рукой подать. Расположенный в живописном уголке в бассейне притока Колымы реки Аян-Юрях, Кадыкчан стал своего рода витриной развитого социализма. Он олицетворял заботу коммунистической партии о процветании даже самых отдаленных регионов огромной Страны Советов. Неудивительно, что его жители смело смотрели в будущее в полной уверенности – дальше будет только лучше, и потому охотно обзаводились семьями и рожали детей. Володя и Люся Панкратовы, когда у них родилась долгожданная дочь, которую они называли Катей, тоже строили планы на светлое будущее.

Девочка росла. Сначала посещала ясли, потом пошла в садик. Мир вокруг стремительно менялся. Разваливалась мировая система социализма, а вместе с ней и сам Советский Союз. Тектонические сдвиги в истории поначалу не затрагивали маленький поселок на северо-востоке Евразии. И тем более не касались они дошкольницы Кати. У нее были свои маленькие огорчения и заботы. Воспитательница отругала. Сосед Петька все время дергает за косички. Задавака Лиза, которой отец-дальнобойщик привез заграничную куклу Барби, хвастается перед девочками, у которых такой нет. В уюте дома же все эти мелкие беды забывались, мама и папа души не чаяли в своей девочке и баловали ее как могли. И все-таки разлом, проходящий через всю страну, добрался и до Кадыкчана, разорвав судьбу поселка и жителей на «до» и «после».

Семью Панкратовых он расколол, когда Катя уже готовилась к поступлению в первый класс. Однажды мама почему-то не смогла сама забрать ее из садика. Вместо нее пришла соседка тетя Люба. Она сказала, что домой мать вернется поздно, поэтому Катя переночует у нее. На глазах тети Любы были слезы, а когда Катя спросила, почему она плачет, сказала, что чистила лук. Мама забрала ее только на следующий день. Тетя Люба сама отвела Катю утром в садик. Там тоже было все необычно. Воспитательница не ругала за неряшливость. Петька не дергал за косички. А Лизка пообещала дать ей поиграть Барби. Папы дома не оказалось. Мама сказала, что он задержался на работе, а потом опять задержался и снова... И вот наступил день, когда на улице собралось много народу. Играла музыка, но почему-то многие плакали. И мама плакала, и тетя Люба. Плакали и шли за грузовиками, в которых стояли красивые красные ящики.

Папа с работы так и не пришел. А мама сначала плакала каждый день. Потом стала пить лекарство, от которого поначалу становилась веселая, а потом – злая. И чем дальше, тем злее. Катя росла. И уже все понимала. Папа умер – погиб с бригадой в шахте под завалами породы, когда взорвался метан. Мать стала заливать горе водкой. А когда на водку стало не хватать денег, приводила в дом посторонних мужчин. Тем временем шахта закрылась. Сотни кадыкчанцев потеряли работу и вынуждены были уехать. Мама Кати совершенно опустилась, пропи-

² Тепловая, крупнейшая в регионе электростанция в поселке Мянунджа Магаданской области.

вая небольшую пенсию за потерю кормильца, которую получала после гибели мужа. Катя стала часто ночевать у тети Любы, потому что мужики, которых приводила мать, стали приставать к девочке. Потом сердобольная соседка умерла, и Кате пришлось оставаться дома даже тогда, когда там шла гульба.

Официально поселок был упразднен. Власти рекомендовали жителям разъехаться. Многие так и поступили, но немало людей осталось. Конечно, существовала программа расселения, предполагающая, что бывшие кадыкчанцы получают жилье в городах и поселках края. Да только кому нужна алкогольичка с привеском – несовершеннолетней дочерью? Людмилу Панкратову поначалу собирались лишить родительских прав, но по бумагам поселок городского типа Кадыкчан перестал существовать, а вместе с ним «исчезла» для властей и семья Панкратовых. Катя бросила школу просто потому, что в поселке ее закрыли, но покинуть спившуюся мать не смогла. Пока в поселке-призраке оставались жители, в нем теплилась какая-никакая торговля, привязанная главным образом к колымской трассе. Катю взяли продавщицей в магазин, совмещенный с кафе. Там она и познакомилась с дальнобойщиком Юрой Семеновым. Он стал ее первым мужчиной.

После нескольких встреч они решили пожениться. Юра жил в Артыке, куда намеревался привезти невесту. Хотели они забрать и маму Люсю, но не успели. В состоянии тяжелого похмелья вдова шахтера Панкратова скончалась от инфаркта. Больше ничто не привязывало Катю к вымирающему поселку, который она покинула без сожаления. Артык оказался, правда, немногим лучше, но первое время он казался Кате полным жизни, особенно по сравнению с родным поселком, где зимний ветер завывал в брошенных квартирах пятиэтажек, а летом тучи комаров бессмысленно вились во дворах и над детскими площадками, словно никак не могли поверить в то, что кусать больше некого. Первые годы совместной с Юрой жизни Катю вполне устраивали, но потом все покатило под откос.

Словно повторялся старый кошмарный сон. Только если раньше спивалась Катина мама, то теперь пить стал муж. Зачастили дружки. Начались пьяные дебоши. Собутельники не брезговали приставать к супруге приятеля. Кате пригодился опыт, приобретенный еще в подростковом возрасте, когда она научилась грубо и жестко пресекать поползновения бухих мужиков. Ростом и силой она была в покойного отца, а стержневой характер приобрела самостоятельно. Исчезла наивная милая девочка Катя Панкратова, вместо нее появилась наглая продавщица из палатки Катька Семенова, которой было плевать на мнение окружающих. Когда Юра замерз по пьяной лавочке, она горевала недолго. Доживать свой век вдовой алкоголика Катя не собиралась. Не старуха еще. Поселковые мужики готовы день-деньской толкаться в палатке, лишь бы поболтать с красивой и острой на язык продавщицей. Из-за чего женская половина Артыка ее ненавидит, называя шлюхой. За глаза, потому что в глаза обойдется себе дороже...

Олег перестал слоняться в пурге, вернулся к машине и принялся осматривать ее колеса. Потом отворил дверцу, заглянул в салон и сказал:

– Колесо пробито. Я сейчас гляну, есть ли запаска, а вы пока вылезайте проветриться. Только не отходите далеко от машины, заблудитесь. Ищи вас потом.

Пассажиры с радостью полезли наружу. Всем хотелось размяться. Да и естественные надобности справить. Сам владелец внедорожника подошел к дверце багажника, к которой крепился пластиковый бокс для запасного колеса, открыл его, яростно сплюнул, потом отворил сам багажник и принялся в нем копать. Мымыл Яткыргын стоял рядом, готовый помочь. Он хорошо видел, как Олег выпрямился и растерянно посмотрел по сторонам.

– Что, запаски нет? – спросил Миша, подходя ближе.

– Да, мать их... – буркнул Карпухин. – На шиномонтаже сняли, а назад не повесили. А я, как последний debil, не проверил перед выездом.

– А баллон?

- И баллона нет. Вернее, есть, но он тоже дырявый.
- Что будем делать?
- Можно, конечно, попробовать техпомощь вызвать, но...

Миша был шофером и хорошо понимал цену этого «но». В такую погоду техпомощь не дозовешься, хотя попытаться стоило. Оставалась слабая надежда на какую-нибудь попутную или встречную машину. На трассе водители, как правило, не отказывают в помощи. И у каждого обязательно что-нибудь найдется. Если не готовая запаска, то хотя бы целый баллон. Одна беда, мало кто поедет в метель, да еще на ночь глядя, без особой необходимости. Краем глаза Миша увидел, что Олег вытащил телефон и, прежде чем позвонить, посмотрел на экран. Радости в выражении его лица не прибавилось. Миша вынул из кармана свой телефон и сразу понял, почему приятель затосковал, – сеть отсутствовала напрочь.

В это время вся компания вернулась к машине. Сгрудились за широким кузовом внедорожника, прячась от секущего снега. Некоторые тоже достали свои телефоны и обескураженно спрятали их обратно. Похоже, что в этом месте не было зоны покрытия. Пока что на лицах горепутешественников не видно было ни растерянности, ни испуга, только нетерпеливое желание поскорее вернуться в теплый салон и продолжить путь. Олег понимал, что придется их жестоко разочаровать, но прежде чем рассказать им об истинном положении дел, нужно было придумать позитивную программу действий. Он обвел взглядом окружающую полумглу, и ему показалось, что он видит смутные очертания каких-то строений.

- Миш, – обратился он к приятелю. – Здесь есть какое-нибудь поселение поблизости?
- А сколько мы уже проехали?
- Сто шестьдесят три километра.
- Тогда мы уже должны были доехать до Кадыкчана.
- Поселок-призрак, – пробормотал Карпухин.
- Что ты сказал?
- Ничего... – буркнул Олег и уже громко произнес, обращаясь ко всем своим спутникам: – такие дела... Запаски у меня нет. До утра мы вряд ли что-нибудь придумаем. Придется ночевать здесь.
- В машине? – спросила Семенова.
- В машине вы окоченеете, – откликнулся Карпухин. – Я зря жечь бензин не стану.
- А в поле мы не окоченеем?!
- Окоченеем. Поэтому будем искать жилье.
- Откуда здесь жилье?
- Судя по спидометру, мы должны быть возле Кадыкчана.
- Да это все равно что в поле, – отмахнулась Катя. – Здесь уж лет десять никто не живет, кроме медведей...

При упоминании медведей все поневоле придвинулись к автомобилю.

– Тебе виднее, – процедил Олег. – Если никто не живет, значит, полно брошенных домов. Забирайте вещички, будем искать какую-нибудь хибару.

Споры стихли. Товарищи по несчастью вытащили из машины сумки и рюкзаки. Олег погасил фары, проверил, насколько плотно заперты двери и багажник. Взял фальшфейер на случай встречи с медведем, достал мощный фонарь. Его луч, конус яркого света, в котором завихрялись снежинки, не столько рассек мглу, сколько стусил ее. Карпухин шел впереди, остальные за ним. Двигались по дороге. Миша, который часто здесь проезжал, подсказал, что нужно будет свернуть с трассы, чтобы подойти к самому поселку. Углубляться в жилые кварталы путешественники не собирались. Подошла бы любая жилая постройка, лишь бы не совсем развалившаяся. Было очень холодно, ветер пробирал буквально до костей. После тепленькой машины это особо остро ощущалось. Через полчаса поисков наткнулись на забор, за которым темнел двухэтажный барак. Олег и Миша пошли на разведку.

Невысокое крыльцо было замечено снегом. Тяжелая дверь, обитая ветошью, перекосилась. К счастью, как и везде на Севере, она открывалась внутрь, иначе обледенелый сугроб, который намело на остатках крыльца, не дал бы попасть внутрь. Парни навалились и вдавили дверь в предбанник. В жилую часть дома попасть было легче, только пришлось ударить снизу вверх по прижавевшему крючку, которым внутренняя дверь была заперта покидающими жильё хозяевами. Луч фонаря выхватил заиндевевшие стены и мебель, которую жильцы не стали вывозить. Воздух внутри дома был стылým и неподвижным. Последнее обстоятельство обрадовало, оно означало, что стены, полы, окна, потолок – все цело. Оптимизма добавила печка-буржуйка.

Миша вышел на улицу, чтобы позвать друзей, а Олег продолжил обследовать дом. Он обнаружил старые кровати с панцирными сетками, в небольшом шкафчике, что висел на кухне, нашлись свечи. Вот это чистое везение! Карпухин взял одну из них, щелкнул зажигалкой и терпеливо дождался, покуда займется фитилек, затем накапал горячего воска на донышко жестяной банки из-под кофе, укрепил таким образом свечку и поставил импровизированный светильник на стол. Теперь можно было на время отключить фонарь и поберечь заряд в батарейках. Дрожащий огонек озарил кухню, отразившись в блестках изморози на стенах. И от этого трепетного и ненадежного света темная пещера заброшенного жилища разом превратилась почти в сказочный домик. Впрочем, любоваться этим преображением было некогда.

Олег присел возле буржуйки. Здесь тоже обнаружился сюрприз. На железном листе, что лежал у печки, оказалась кучка щепок и кусочки коры. Видимо, бывшие обитатели барака приготовили все это для растопки, но почему-то не успели воспользоваться. Карпухин открыл дверцу, положил в топку несколько щепок помельче и кусочек коры, но поджигать не стал. Для начала надо было убедиться, что найдутся и дрова. В этот момент послышался топот и в кухню ввалилась вся компания. Ворвавшийся вслед за ними зимний ветер едва не задул свечу. Хорошо, что кто-то догадался сразу захлопнуть внутреннюю дверь. Последним вошел Миша-Мымыл, в руках у него была охапка дров. Он аккуратно положил их возле печки. Олег благодарно кивнул и с легкой душой принялся за растопку.

Убедившись, что огонь теперь не погаснет, Олег распрямился и включил фонарь. Он решил подробнее обследовать дом, вдруг найдется что-нибудь полезное. Кроме того, следовало убедиться, что здесь нет ничего опасного. Все окна и впрямь были целы, даже занавески не сняты, не содрано покрытие пола. Похоже, что барак покинут не так давно. Ведь даже если хозяева, выезжая, не захватили с собой все мало-мальски ценное, это могли сделать алкаши, живущие поблизости. Ценным в подобной ситуации становится все. Любой металл, который либо сдадут, либо переплавят. Печку и ту разберут, если она кирпичная, снимут полы, обдерут стены, чтобы распилить на дрова. В углу одной из комнат Олег нашел сундук, но полезного в нем было мало, сплошные тряпки. Казалось, что здесь никто не живет лет пять минимум, но не покидало ощущение, что люди ушли отсюда спонтанно – на стенах висели фотографии. Впрочем, из-за пыли и плохого освещения нельзя было толком разобрать, что там изображено. Остались даже иконы в рамках. На полках стояли книги. В шкафах на кухне обнаружилась добротная глиняная посуда. Удобств в доме не было, что и понятно, но кто-то из ребят нашел ведро и поставил в предбаннике.

Когда в печурке затрещали дрова, брошенное жилище сразу стало обретать уют. Первые робкие волны тепла растопили изморозь, стены, потолок, пол стали влажными, но это не пугало путников, нашедших здесь временное прибежище. Девушки попытались навести хоть какую-то видимость порядка. Отыскивали тряпки и принялись протирать ими столы и табуретки. До утра-то точно здесь гостить! Миша и Вася принесли еще дров. Буржуйка раскалилась едва ли не докрасна. Катька нашла алюминиевую кастрюльку, совершенно целую, и Миша вызвался набрать чистого снега. Его предки веками растапливали снег, чтобы добыть питьевую воду и приготовить пищу. Возникла идея погонять чайку. У Зины-Тиныл оказалась с собой коробка

с чайными пакетиками. У кого-то нашлись домашние пирожки. Кто-то достал припрятанные бутерброды. Перспектива ночевки в заброшенном доме перестала казаться пугающей.

За окном окончательно стемнело. В печке уютно гудел огонь, пожирая дрова. Шестеро человек сидели вокруг стола, на котором была разложена нехитрая снедь. Чай пили из найденных тут же граненых стаканов, которые тщательно вымыли снегом. Маша включила музыку на своем телефоне, который она подзарядила еще в машине. Стало веселее. Теперь незапланированная остановка рядом с мертвым поселком стала казаться неожиданным приключением, которое можно будет с удовольствием вспоминать. Потом, когда все останется позади. Однако до приятных воспоминаний было пока далеко. Нужно было устраиваться на ночлег. Парни притащили на кухню две койки, составили их вместе. Постелили свои куртки – в доме было уже достаточно тепло. Теперь девушки могли с относительным комфортом поспать.

– Будем дежурить по очереди, мужики, – сказал Олег. – Сначала ты, Васёк. Сейчас двенадцать, следовательно, ты дежуришь до трех. Потом ты, Мишаня. Меня разбудишь в шесть. Следите за печкой.

Вася кивнул, присел перед буржуйкой на корточки, открыл дверцу, помешал кочергой, которую нашли здесь же. Убедившись, что первый дежурный заступил на пост, Олег лег на пол рядом с уже посапывающим Мымылом. Хорошо было бы включить на телефоне будильник, но осознание этого пришло уже позднее.

Глава четвертая

Сопение и храп мешались с завываниями вьюги за окнами. Потрескивали дрова в печурке. Снежная крупа барабанила по стеклам. Долгая зимняя ночь с завываниями ветра, несущего мириады снежинок. Холод и безнадежность на сотни километров вокруг. У Выргыргылле Олсона все это было в крови. Цепь поколений его предков терялась где-то в глубине веков, в тех временах, когда Великое оледенение покрыло Евразию многокилометровым слоем льда, понизив уровень Мирового океана, благодаря чему между Чукоткой и Аляской образовался перешеек, по которому в Америку перебрались стада мамонтов, шерстистых носорогов и оленей, а вслед за ними и кочующие первобытные охотники. Выргыргылле-Вася нередко представлял себя одним из своих далеких предков, как он подкрадывается к зверю, вооруженный лишь копьем с кремниевым наконечником или острой с костяным. Ему нетрудно было это сделать – с таким же оружием охотился его прадед.

Попутчиком Карпухина Вася оказался за компанию со своими бывшими друзьями Мишей, Машей и Зиной. Ни самого Олега, ни его подругу Катю он толком не знал. Даже во встрече Нового года, о которой так любил рассказывать Миша, Вася не участвовал. Да и не мог. В те дни он ездил в Якутск, чтобы отвезти бивень мамонта, который по весне вымыло паводком, а Вася летом его нашел. Палеонтология интересовала юного чукчу с детства. Книжки с динозаврами и саблезубыми тиграми ему привозил отец, по телевизору часто показывали фильмы и мультики, где доисторические чудовища нападали на людей, и поначалу юный Выргыргылле даже не подозревал, что все эти страшные или не очень твари обитали не только где-то далеко в Америке, но и прямо здесь, среди холодных равнин родного Оймяконского улуса. Поначалу он читал об этом только в интернете, но однажды отец взял его с собой в столицу республики. Там, среди прочих чудес большого города, мальчик впервые попал в Музей истории и культуры народов Севера.

Ему показалось, что он очутился в волшебной стране, где рядом с уже знакомыми ему предметами, такими как расшитая речным жемчугом малица или бубен шамана, можно было увидеть бивни и кости мамонта, скелет ископаемого гренландского кита и череп шерстистого носорога. Может быть, первый раз в жизни Вася по-настоящему осознал, что животные из книжек и мультиков когда-то жили на самом деле. И еще более сильным потрясением стало для него то, что останки этих животных может найти кто угодно, были бы силы и желание. С десятилетнего возраста Выргыргылле ходил с отцом на охоту, попутно намывая золотой песок в ручьях и мелководных речушках. И с некоторых пор он стал пристально присматриваться к речным откосам: а вдруг вылянет из напластований глины и гальки череп какого-нибудь зверя? Со временем Вася стал понимать, что все не так просто. Палеонтолог не должен полагаться только на удачу. Он обязан вести поиски не наугад, а отчетливо понимая, что, где и как следует искать.

С этого момента у юного чукчи появилась цель. Он решил стать ученым-палеонтологом. Однако это легко сказать, но трудно сделать. Особенно если ты живешь в постепенно вымирающем поселке на границе между Республикой Саха и Магаданской областью. Вася Олсон был одним из немногих учеников Артыкской общеобразовательной средней школы, кто учился на отлично. При этом он не был уверен, что может претендовать на бюджетное высшее образование, а чтобы учиться платно, нужны деньги, которые требовалось заработать и накопить. Родителям о том, что он хочет посвятить жизнь поиску останков вымерших животных, Выргыргылле не говорил. Они могли счесть это блажью. Он просто сказал, что собирается учиться на геолога. Профессия геолога – это солидно. Можно будет устроиться в нефтедобывающую или какую-нибудь другую компанию, занимающуюся разработками полезных ископаемых, и зарабатывать хорошие деньги. Ради такого будущего стоило постараться.

Окончив школу, Вася год отслужил в армии, вернулся и стал работать слесарем на автотранспортном предприятии. В свободное время ходил на охоту, иногда мыл золотой песок. В общем, жил обыкновенной жизнью поселковых мужчин, при этом не переставая заниматься самообразованием. Правда, о своем увлечении Вася особо не распространялся, зная, что в поселке его не поймут. Несмотря на то что вокруг Артыка простирались беспредельные просторы северо-востока Сибири, жизненный горизонт его жителей определялся насущными задачами выживания, а все мечты сводились к тому, чтобы заработать и переехать в большой город. Вася считал, что именно такая узость мышления артыкчан в планировании своей жизни и привела поселок в упадок, но мыслями своими ни с кем не делился.

Никому Выргыргыглеле Олсон не признавался и в своих чувствах к Маарыйе Тумусовой. Он любил ее с пятого класса. Поначалу это была детская любовь, которая выражалась в непреодолимом желании дернуть девчонку за косичку или ткнуть в спину линейкой, но дети растут и способы проявления чувств меняются. У чукчей не принято говорить о любви. Если девушка нравится парню, он может сказать ей: «Я все время думаю о тебе» или «Ты мне снишься» – и этого будет достаточно. В отличие от европейских женщин, коренные обительницы Северо-Востока ценят внимание само по себе, не требуя доказательств любви. И все же Вася не сказал Маше даже таких, в других культурах мало значащих для представительниц прекрасного пола слов. Он понимал, что Тумусова знает себе цену, у нее большие жизненные планы, и хотел стать для нее надежным спутником в их осуществлении, а не обузой.

* * *

В буржуйке с громким треском лопнуло полено, и из приоткрытой дверцы вылетел сног искр. Выргыргыглеле тщательно затоптал их на полу, приоткрыл дверцу и осторожно пошуровал в топке кочергой, посмотрев на экран своего телефона. С начала дежурства прошло чуть больше часа. Васе спать не хотелось – чукчи вообще мало спят – он мог бы и всю ночь продежурить, но понимал, что днем могут понадобиться силы. Как охотник и золотоискатель, Выргыргыглеле осознавал, что вся их компания попала в трудную ситуацию. Метель. Покинутый жителями поселок, куда обычно никто не ездит. Может статься, что по трассе за всю неделю не проедет ни одна машина и помощи попросить будет не у кого. Тогда придется искать целый баллон для ремонта проколотого колеса в брошенных домах, и на это может уйти не один день. Значит, придется раздобывать пропитание. Наиболее верный способ – обнаружить в какой-нибудь заброшке старые припасы. Консервы или даже крупу с макаронами, которые умные хозяева хранили в пластиковых коробках или стеклянных банках с металлическими крышками.

Если такие «подарки» обнаружить не получится, придется заняться охотой. Какой зверь или птица водится в этих краях, Вася не знал, но предполагал, что местная фауна не сильно отличается от якутской. На мелкую птицу вроде куропаток можно ставить силки, а вот для охоты на крупную дичь требуется оружие. Ни дробовика, ни карабина у Выргыргыглеле с собой не было. Однако его это не смущало. Недаром же он мысленно обращался к своим предкам, которые продолжали жить в каменном веке даже тогда, когда в европейской части огромной России уже вовсю дымили паровозы, города освещались электричеством, а с граммофонных пластинок голос Шаляпина извещал, что люди гибнут за металл. Изготовить острогу или лук со стрелами из подручных материалов Вася сумел бы – этому его научил еще дед, в честь которого младший Выргыргыглеле и был назван. И вот сейчас, скорчившись у печурки, замороженно наблюдая за красными отсветами на полу, молодой охотник представлял, как подкрадывается к дикому оленю, выщипывающему ягель из-под снега.

Над чукчами принято смеяться, хотя они вовсе не такие медлительные и тупые, какими предстают в анекдотах. Жизнь в тундре, а тем более охота на китов и морского зверя, тре-

бует стремительной реакции, сообразительности, выносливости и силы. Кажущаяся «тормозность» всего лишь следствие привычки обдумывать каждый свой шаг. От этой способности зависит выживание семьи, стойбища, племени. Когда-то чукотские племена держали в страхе другие народы северо-востока Евразии. Воины этого племени отличались свирепостью, превосходными доспехами и вооружением, а также умелой тактикой. Со всем этим столкнулись русские казаки, которые обладали холодным и огнестрельным оружием и никому не уступали в храбрости и воинских умениях. И все же в столкновениях с русскими и другими народностями чукчами двигала не природная жесткость, а необходимость отстоять свой край, пищевые ресурсы которого хоть и разнообразны, но не безграничны. И тот, кто напрямую зависит от милости природы, должен всегда быть готов к голоду и лишениям. И теперь кучка артыкчан, которые отправились развлекаться на популярный горнолыжный комплекс, оказалась в положении пленников стихии, что так щедра на плохие сюрпризы.

Вышло время его дежурства, и Вася безжалостно растолкал спящего Мишу, а сам повалился на тряпки, которые Олег нашел в сундуке, и тут же заснул. Мымыл некоторое время крепился. Около часа он просидел возле буржуйки, клевал носом и не заметил, как задремал. Он проспал время, когда нужно было разбудить Карпухина, который сам не проснулся. Дрова в печурке прогорели. За окнами забрезжил серый рассвет. Из бесчисленных щелей в барак просочился холод, и спящие путники стали пробуждаться. Олег вскочил одним из первых и тотчас все понял. Он не стал никого ни в чем упрекать. Сам виноват. Надо было будильник поставить. Миша старался не смотреть ему в глаза. Сразу принялся хлопотать возле погасшей печки. Карпухин поманил Васю и, когда тот приблизился, негромко сказал:

– Васёк, давай к машине сбегаете, что-то беспокойно у меня на душе.

Выргыргыле кивнул, и они вышли в предбанник. Олег рванул входную дверь на себя. В темный закуток хлынул белый свет, освежающий ледяной воздух и ввалился сугроб снега, который намело за ночь. Парни вышли на крыльцо, привыкая к ослепительному сиянию наступающего дня. В первые мгновения казалось, что ничего, кроме снега, в окрестностях не осталось. Метель, словно голодный зверь, сожрала все, что сумела настигнуть. Однако при внимательном рассмотрении стало заметно, что ей удалось не все. Там и сям виднелись просевшие крыши. Столбы с оборванными проводами. Черно-белые, облепленные снегом поперечины штaketника. А чуть поодаль зияли темными провалами окон заброшенные пятиэтажки. И ни малейших следов того, что этот поселок-призрак когда-то был связан с большим миром.

– М-да, – проговорил Карпухин. – И где мы вчера оставили машину?

– Я помню, как мы шли... – сказал Вася Олсон.

– Да? – не слишком удивился Олег. – Тогда веди!

Они шагнули с крыльца, вернее, ухнули в свежие наметы снега, сразу провалившись по пояс. Если вчера еще было какое-то подобие улицы, то теперь все вокруг превратилось в сплошной сугроб. Парни не шли, а плыли, помогая себе руками, словно пробирались через болото, затянутое ледяной тиной. За ними оставалась широкая полоса разрыхленного снега, которая могла со временем превратиться в сравнительно удобную тропу. Главное, чтобы опять не началась метель. Карпухина, впрочем, сейчас волновало другое. Как он ни вертел головой, нигде не видел своего внедорожника. Не могло же его замести по самую крышу, или – могло? Автовладелец цеплялся за эту надежду, как за соломинку. Он присматривался к любому бугорку, который хоть сколько-нибудь выдавался над белоснежной равниной. И когда Вася внезапно остановился, Олег не заметил этого и едва не ткнулся носом ему в спину.

– Что случилось?

– Ничего, – откликнулся Выргыргыле. – Просто мы пришли.

– Как – пришли? – опешил Карпухин. – А где моя тачка?

– Не знаю, – со свойственной ему невозмутимостью проговорил Олсон.

– А с чего ты взял, что это то самое место, где мы вчера встали?

– Это трудно объяснить, – проговорил Вася. – Однако, если присмотреться, то можно понять, что мы на трассе.

Олег завертел головой и увидел, что холмистую равнину справа и силуэты городских построек слева разделяет ровная полоса, к тому же кое-где обозначенная темными черточками выглядывающих из снега вешек.

– Ну да, мы на трассе, – согласился он. – Так может, место другое?

– Можешь мне не верить, – пожал плечами его спутник, – но если я и ошибся, то всего на несколько метров в обе стороны.

Карпухин угрюмо кивнул. Он понимал, что Выргыргыледе прав. У чукчей природное чувство ориентации в пространстве. Без него они бы не могли кочевать в тундре и промыслять морского зверя в открытом море. Останься автомобиль на месте, его не могло занести снегом настолько, чтобы он совершенно слился с дорогой. Да вот только от этого понимания легче не становилось. Если внедорожник все-таки пропал, значит, его кто-то угнал. Вряд ли далеко. По такой дороге сейчас не пробьешься ни в сторону Магадана, ни в обратном направлении. Выходит, неизвестный угонщик спрятал внедорожник где-то поблизости. Вероятнее всего, среди заброшенных домов. Это несколько утешало. Правда, все следы успело уже замести, но даже это не делало поиски совсем уж безнадежными.

Машину надо найти – это понятно, да и разобраться с тем, кто ее угнал, тоже не мешало бы, но ради того, чтобы заняться поисками личного авто, он не может бросить друзей, у которых нет ни еды, ни по-настоящему теплой одежды, ни связи, ни реальной возможности в ближайшие часы выбраться из этой западни. Возможно, кто-нибудь другой на его месте рассудил бы иначе, но только не он. Да и неизвестный угонщик никуда не денется вместе с внедорожником. Покуда не придет спецтехника, чтобы расчистить колымскую трассу, можно оставаться спокойным за судьбу тачки. Люди важнее. Он завез их сюда, он же и вывезет. Олег с тоской оглядел горизонт, где белая равнина сливалась с белесым небом, и махнул рукой своему спутнику, дескать, возвращаемся.

Возвращаться было легче, все-таки тропа была уже в некоторой степени протоптана. Барак, который вдруг стал домом для заблудившихся в пурге путников, теперь был виден изда-лека. Над железной трубой, торчащей из плоской крыши, поднимался дымок. Во двор вывалили девчонки. Они швыряли в другу дружку пригоршни сухого легкого снега, визжали и смеялись. От этой веселой беззаботности Карпухину стало совсем тяжело. По складу своего характера он больше любил радовать, чем огорчать. В этой злополучной поездке ему только и приходилось, что расстраивать своих друзей. Поэтому он не стал им ничего говорить, когда девчонки со смехом накинулись на него, осыпая снегом. Натянуто улыбнулся и поспешил скрыться в доме.

– Вот что, пацаны, – сказал он, обращаясь к парням. – Похоже, что скоро нам отсюда не выбраться...

– А что случилось? – спросил Миша-Мымыл.

– Машина пропала, – ответил Вася-Выргыргыледе.

– Как пропала? – изумился тот. – Угнали?
– Скорее перегнали и спрятали, – ответил Олег.
– Олег, прости... Сам не знаю, как заснул.
– Ладно, забудь! – отмахнулся Карпухин. – Сейчас надо думать, как нам найти не только мою тачку, но и какую-нибудь жратву. Да и свечи не помешают.
– Надо обыскать дома! – поспешил проявить инициативу Мишаня, хотя и без него было ясно, что делать.

Олег кивнул.

– Разобьемся на пары, – сказал он. – Расходимся веером и осматриваем дома, которые более-менее целы. Только будьте внимательны. Если полы гнилые или потолки провисшие, лучше не суйтесь.

– А кто с кем пойдет? – не удержался Яткыргын.

Карпухин насмешливо посмотрел на него. Он догадывался, что Мишаня неровно дышит к Семеновой, поэтому сказал:

– Каждый из нас возьмет с собой по девчонке. Я пойду с Зиной. Вася – с Машей. А тебе, Мишаня, поручается Катя. Не позволяйте девчонкам соваться в сомнительные места. Если что найдете из жрачки, показывайте им. Пусть посмотрят, пригодно ли это к употреблению. Еще... Связь здесь не работает, так что в случае чего возвращайтесь сюда и ждите остальных. Смотрите в оба, мужики. Я на вас рассчитываю.

Сказав все это, Олег вышел на крыльцо. Увидев его хмурое, серьезное лицо, девушки притихли и вопросительно на него уставились.

– Девчата, – обратился он к ним. – Хватит валяться в снегу. Давайте в дом, вам нужно обсохнуть.

– А когда мы опять поедem, Олежек? – спросила Катя, ласковой интонацией как бы подчеркивая свою близость к нему.

– Когда найдем целую резину.

– Целая резина – это хорошо, – хохотнула Семенова.

Остальные девушки ее не поддержали, слишком пошлая оказалась шутка.

– А вот для того чтобы ее найти, придется постараться, – без улыбки продолжал Карпухин. – А заодно какую-нибудь еду и свечи.

Его серьезность проняла даже Катю.

– Свечи? – переспросила она. – Ты думаешь, мы застрянем здесь до утра?

– В лучшем случае – до утра!

– Я не понимаю, что происходит, Олег! – едва не завизжала Катя. – Мы уже должны были быть на месте!

Парень с трудом сдержался, чтобы не выматериться. Глубоко вздохнув, он четко произнес:

– Во-первых, я никого силком сюда не тащил. Все поехали добровольно. Во-вторых, если мы сейчас начнем кидаться друг на друга, то наверняка пропадем. В-третьих, я сказал идти в дом и сушиться!

Семенова успела уже узнать характер Олега, поэтому больше не сказала ни слова. Все три девушки вернулись в барак. Сняли с себя куртки и верхние утепленные штаны и развесили для просушки. Благо Миша натопил печурку так, что и дышать-то было трудно. Через час все шестеро были готовы для начала поисков. За это время белесая мгла разошлась и выглянуло солнце. Решили, что будут обследовать ближайшие кварталы, расходясь веером, исходной точкой имея барак. Вася-Выргыргыле был счастлив и мысленно благодарил Карпухина за то, что тот дал ему в напарницы Машу Тумусову. Чтобы ей не пришлось барахтаться в сугробах, он двинулся вперед, захватив с собой широкую доску и проминая ею снег. Конечно, это замедляло продвижение, но и торопиться было незачем. Ближайший барак, который стоял на пути Васи и Маши, был всего-то в трех десятках метров.

Глава пятая

Творец создал тундру и море, китов и тюленей, медведей и волков, песцов и леммингов. И чукчей создал Творец. Полярная звезда сияет над миром. Присматривает Творец за своими созданиями. В стародавние времена, когда еще не было света, жили чукчи в двух селениях – Льюрэн и Кэнычвэй. В темноте жили. Сжалился над ними Творец и создал Ворона и еще одну маленькую птичку, чтобы они продолбили тьму и впустили зарю. У Ворона клюв большой, острый и твердый. Долбил он, долбил, а не справился с темнотой зимней ночи. Устал, сел на торос отдыхать. Узрела это птичка и принялась тюкать своим крохотным клювиком: тюк-тюк, тюк-тюк... и продолбила дырочку, впустила зарю. И стало светло. А людей Творец создал так: взял нерпичьи косточки и сложил из них человека, а чтобы человек не голодал и не мерз, сотворил оленей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.